

УДК 81'23

К ВОПРОСУ О МЕСТЕ ЗДОРОВЬЯ И БОЛЕЗНИ В ЛИНГВОЦВЕТОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Туленінова Л. В.

У статті аналізуються особливості колірної репрезентації концептів “здоров’я” та “хвороба” у картині світу росіян, українців й англійців. Робиться спроба виявити місце даних концептів в лінгвоколірній картині світу на матеріалі лексикографічних джерел і збірників англійських та російських паремій. Пропонується перспектива подальшого аналізу коліролексем.

Ключові слова: лінгвоколірна картина світу, лінгвоколірний концепт, коліролексема, лінгвокультурний концепт, концептосфера.

В статье анализируются особенности цветовой репрезентации концептов в “здоровье” и “болезнь” в картине мира русских, украинцев и англичан. Делается попытка выявить место данных концептов в лингвоцветовой картине мира на материале лексикографических источников и сборников английских и русских паремий. Предлагается перспектива дальнейшего анализа колоролексем.

Ключевые слова: лингвоцветовая картина мира, лингвоцветовой концепт, цветовая лексема, лингвокультурологический концепт, концептосфера.

The article analyzes the characteristics of the color representation of the concepts “health” and “disease” in the Russian, Ukrainian and English mapping of the world. The author attempts to identify the location of these concepts in the linguistic-color mapping of the world on the material taken from lexicographical sources and collections of English and Russian proverbs. Some prospects of the further analysis of color lexemes are proposed.

Key words: linguistic-color mapping of the world, linguistic-color concept, color lexeme, linguistic-cultural concept, conceptual sphere.

Цветовая картина мира, являясь важной частью концептуальной системы, находит отражение в языке, в результате чего мы можем говорить о существовании лингвоцветовой картины мира, которая выступает одной из основных категорий культуры, “фиксирующей уникальную информацию о колорите окружающей природы, своеобразии исторического пути народа, взаимодействии различных этнических традиций, особенностями художественного видения мира” [5, с. 109].

В современной лингвистике исследованием феномена цвета занимаются многие ученые (Б. Берлин, П. Кей, Н. Б. Бахилина, Д. Н. Борисова, Л. Байрамова, П. В. Яньшин, А. Ю. Вычужанина, А. П. Василевич, Г. Г. Воробьев, И. В. Макеев, С. Д. Ременко, М. Люшер, А. Вежбицкая, Р. М. Фрумкина, и мн. др.), используя разнообразные подходы к его изучению, например: выделение прототипов для базисных цветов из окружающей среды [4]; исследование психолингвистических характеристик цветообозначений [12]; исследование социокультурного аспекта цветообозначений [10]; изучение цветообозначений с использованием сравнительно-исторического анализа [2] и др.

В лингвокультурологии цвет рассматривается как значимый культурный код, знание которого может способствовать преодолению “культурологического дальтонизма” [3] при взаимодействии разных народов. Сопоставление цветоименований в разных языках – одно из наиболее популярных направлений современных исследований, позволяющее выявить специфику национального мировидения, отмечает Е. Н. Алымова, которая проводит когнитивное моделирование цветовых концептов по данным ассоциативного эксперимента с русскими информантами. Она делает выводы о том, что общечеловеческие концепты “любовь”, “смерть”, “жизнь”, “счастье”, “нежность”, “страсть” при соотношении с цветом имеют национально-культурные особенности [1]. Н. А. Красавский,

отмечая способность колоролексем выступать “в функции ярко выраженного оценочного эпитета” [7, с. 36], проводит лингвокультурологический анализ эмоциональных концептов, номинанты которых активно сочетаются с колоролексемами в текстах художественной литературы. Исследование семантики номинантов эмоций и колоролексем позволило ученому выявить “корреляцию их положительной / отрицательной маркированности”. Различия, выявленные в сочетаниях колоролексем с номинантами эмоций в русских и немецких художественных текстах, он объясняет “экстралингвистически – национально-культурным колоритом символики цвета в русском и немецком социумах” [там же, с. 39].

Исследуя способы объективации концептов “здоровье” и “болезнь” в английском и русском языках, автор данной статьи обратила внимание на то, что в номинациях различных состояний организма присутствовали цветообозначения как с помощью самих колоролексем, так и посредством номинантов, косвенно указывающих на цвет: так, в наивной картине мира, здоровый человек имеет здоровый цвет лица, в котором, прямо или косвенно, присутствует красный цвет: *кровь с молоком; румянец во всю щеку; rosy-cheeked, pink, ruddy*; болезни сопутствуют другие цвета, например, синий: *посинел как на льду посидел, to be blue in the face*.

Некоторые исследователи также отмечают лингвоцветовые особенности репрезентации данных концептов. О желтом цвете, как о цвете болезни, пишет М. А. Савицкая: “Желтый цвет – цвет болезни. (Напр. *To look green and yellow about the gills* (англ.) – “иметь нездоровый, бледный вид”). Желтый крест ставили на чумных домах. (*Yellow Jack* (англ.) – “желтая лихорадка”). Желтый флаг на борту судна обозначал, что на борту есть инфекционные больные” [9, с. 266]. Однако зеленый цвет присутствует и во фразеологизмах, номинирующих хорошее здоровье: *keep the bones green, green old age* [там же]. Савицкая приводит количественные данные о соотношении наличия фразеологизмов с различными цветообозначениями в английском языке: черный 37,3%, белый 16,3%, красный 15,4%, синий 14%, зеленый 11%, желтый 4%, коричневый 2%. [9, с. 267]. Как видим, эти цвета, активно репрезентирующие здоровье и болезнь в английском языке, в сумме составляют около 45% цветообозначений на фразеологическом уровне. Это свидетельствует об их аксиологической наполненности в данной культуре и позволяет отнести указанные цвета в разряд ядерных. На наш взгляд, “окрашивание” физического состояния организма ядерными цветами лишний раз напоминает о высокой степени их социокультурной релевантности, что дает основания для более глубокого и тщательного изучения данного феномена.

Одно из направлений такого исследования, представляющееся автору данной статьи наиболее перспективным – выявление соответствия ценностных характеристик цветообозначений и аксиологической насыщенности того или иного проявления физического и психического состояния человеческого организма. Таким образом, необходимо определить насколько онтологически родственны концептосфера цвета и концептосфера здоровья.

Исходя из приведенных выше данных о том, что базовые цвета культуры активно номинируют здоровье как в его благополучии, так и в неблагополучии (т.е., собственно, болезнь), попытаемся выявить более детальные характеристики данного явления, например, насколько однозначны те или иные цветовые характеристики в презентации состояния здоровья в наивной цветовой картине мира и их отражение в языке.

Одно из основных денотативных значений самой лексемы “цвет” присутствует в ряде языков, например, в русском, латинском, испанском, французском, итальянском, немецком. Это – цвет лица, румянец как показатель здоровья или эмоций [8, с. 11].

Итак, румянец, значит красный цвет. Группа исследователей из Университета Св. Андрея в Великобритании под руководством профессора Дэвида Перрета провела ряд исследований, показавших как воспринимается красота и здоровье по цвету лица. В ходе эксперимента ученые показывали пары лиц, одно из которых было более бледным, а другое – более ярким по цвету кожи, и

предлагали выбрать то, которое, по мнению участников исследования, было более привлекательным, здоровым, а также имело более красный цвет. Оказалось, что граница, после которой лица воспринимались более красными, была значительно ниже, чем границы восприятия привлекательности и здоровья, которые совпадали. Иными словами, больше нравятся и выглядят более здоровыми лица с чуть более красноватой, а не бледной, кожей [13].

Данный пример указывает еще на одну особенность употребления колорексем в номинациях состояния организма – использование лексем, указывающих на психофизические характеристики цвета, либо на его отсутствие: рус. *бледный*, *блеклый*, исп. *quebrado de color*, ит. *non aver colore*, фр. *perdre ses couleurs*, англ. *to lose colour*. Существенным становится не просто цвет, но и *светлота* (степень отличия цвета от белого) – количественные различия внутри одного и того же цвета, *относительная яркость* – отношение величины потока, отраженного от данной поверхности, к величине потока, падающего на нее, *насыщенность* или *чистота цвета* – доля чистого спектрального в общей яркости данного цвета [6, с. 6].

Показателен в этом отношении *зеленый* цвет. Вот, что пишет об этом цвете Н. М. Охрицкая, исследовавшая многозначность цветоименований в лингвокультурологическом аспекте: “Он обладает смысловой двойственностью и многозначностью. В этой двойственности, неопределенности состоит причина многообразия символики зеленого цвета. Изумрудные, ярко-зелёные, яблочные оттенки, которые связаны с явлениями и объектами царства растений, рассматриваются как символы роста, гармонии и *здоровья* (здесь и далее выделено автором статьи). Бледные, тусклые, ядовито-зелёные, сине-зелёные чаще всего ассоциируются со смертью, разложением, психологическим разладом и *болезнью*” [8, с. 18]. Такая же двузначность наблюдается и в украинской мифологии. Вот как данное явление описано в книге “Українська міфологія” [11 (частич. перев. на рус. автора статьи)]: Зеленый в народной культуре сопоставляется с растительностью, незрелостью, непостоянством, в общем смысле это цвет весны. Вместе с тем он ассоциируется с Мировым деревом (В. Пропп), символизируя победу над злыми силами, воскресение, надежду и радость, однако иногда навеивает печаль. В народе говорят: *людина від злості “зеленіє”*. В поминальных обрядах зеленый выступает как цвет “того света”: “Поліщуки на Великдень фарбували яйця у зелений колір, якщо у домі протягом року був покійник”. Зеленый цвет – атрибут “чужого” пространства, где живет нечистая сила, куда в заговорах прогоняются злые духи. Он характеризует персонажей народной демонологии: лешего, русалку, водяного: “дитина із зеленими очима може стати відьмою”. В заговорах одним из признаков лихорадки является ее цвет: “зелена, “яко трава зелена”. “Зелені дні” в народном календаре соответствуют Страстной неделе, Пасхе, Троице и связаны с защитными и очистительными обрядами. “Зеленый Юрій” – главный персонаж одноименного молодежного обряда, который проводили накануне св. Юрия [11].

Возможно тот факт, что лексем, обозначающие *желтый* цвет во многих языках, появились благодаря праиндоевропейскому корню *ghel-, который в ряде языков стал производным лексем со значением, в состав которого входит коннотация “бледный” (напр., французское слово *jaune* восходит к латинскому слову *gálbīnus* “желто-зеленый” или “бледно-зелёный”) [8, с. 17], является объяснением тому, что концептуальное содержание лексем, номинирующих в них этот цвет, отражает не только разнообразные внешние и внутренние положительные признаки, связанные с цветом золота, солнца, весны, радости, но и то, что отрицательные признаки желтого цвета сопровождают увядание, осень, болезни [там же]. В упомянутой выше книге “Українська міфологія” находим подтверждение этому: “Жовтий (жовтизна) – ознака, що має суперечливе значення. З одного боку, це колір Сонця, золота, немовби застиглого сонячного світла. З іншого – це колір опалого листя та зрілого жита, що означає смерть, тобто життя в потойбічному світі. За повір’ями, поява жовтих плям на руці віщує смерть; хто навесні побачить жовтого метелика, буде у цьому році нещасливим і хворим. Вважається, що душа заснулої відьми може перевтілюватися у жовто-чорного метелика. Міфічні істоти, які водять душі на “той світ”, мають жовтуваті

тони. У домовиків та повітруль волосся жовтого кольору. Одна із пропасниць називається жовтяницею” [11].

Исследователи отмечают, что “кроме основных характеристик цвета (цветового тона, светлоты и насыщенности) существуют и другие, в основе которых лежит его эмоциональное, психологическое восприятие”. Так, “принципиально разные ощущения вызывают у человека, например, теплые и холодные цвета, легкие и тяжелые и т.д.” [6, с. 6]. Они связывают данное явление с ассоциациями, с явлениями и объектами окружающей среды – огнем, водой, землей и т.п.

Осталось уточнить, какое именно место занимают психофизические состояния человека в структуре указанных выше цветовых концептов. Согласно Н. М. Охрицкой “ядро лингвоцветового концепта составляет представление о цвете, которое формируется на основе соотношения его с предметами окружающей действительности; периферия лингвоцветового концепта формируется благодаря ассоциациям, традициям, политическим, историческим событиям, особенностям художественного восприятия цвета и другим факторам” [8, с. 9]. Приведенные выше примеры символики цветов подтверждают данное положение и позволяют сделать выводы о повсеместном распространении концептов здоровье и болезнь в структуре базовых концептов цветовой картины мира.

Что касается места в лингвоцветовой картине мира, то самым достоверным, на наш взгляд, показателем является количество их вербальных репрезентаций, в создании которых задействованы колоролексемы. Проведенное нами исследование материала, который на настоящее время насчитывает 1760 английских и 1790 русских лексических единиц, обнаруженных в результате сплошной выборки из лексикографических источников и сборников поговорок, показало, что всего около 1% от их общего количества содержат сами колоролексемы, либо соотносятся с цветом или его психофизическими характеристиками в данных культурах. Свидетельствует ли это о периферийном положении данных концептов в лингвоцветовой картине двух социумов? Думается, окончательные выводы можно будет сделать после тщательной обработки значительно более обширного фактического материала, включающего не только указанные выше источники, но и разножанровые тексты, особенно художественные. Хотелось бы таким образом выявить, существуют ли значительные различия в лингвоцветовых репрезентациях различных состояний здоровья, обусловленные национально-культурным колоритом символики цвета (только малая часть которого была проанализирована в рамках данной статьи) в английском, русском, а также украинском социумах.

Литература

1. Алымова Е. Н. Цвет как лингвокогнитивная категория в русской языковой картине мира: автореф. дис. ... канд. филол. наук (10.02.01) / Екатерина Николаевна Алымова / С.- Петерб. гос. ун-т. – СПб. : [б. и.], 2007. – 18 с.
2. Бахилина Н. Б. История цветообозначений в русском языке. / Н. Б. Бахилина. – М.: Наука, 1975. – 292 с.
3. Белов А. И. Цветовые этноэидемы как объект этнопсихолингвистики / А. И. Белов // Этнопсихолингвистика. – М. : Наука, 1988. – С. 49-58.
4. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая. – М. : Русские словари, 1996. – 416 с.
5. Жаркынбекова Ш. К. Ассоциативные признаки цветообозначений и языковое сознание / Ш. К. Жаркынбекова // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. – 2003. – № 1. – С. 109–116.
6. Кравцова Т.А. Основы цветоведения : учебно-методическое пособие / Т. А. Кравцова, Т.А. Зайцева, Н.П. Милова. – Владивосток : Изд-во ВГУЭС, 2002. – 64 с.
7. Красавский Н.А. Номинанты эмоций и номинанты цвета в художественном тексте / Н. А. Красавский // Известия Волгоградского государственного педагогического ун-та. Сер. “Филологические науки” – № 5 (59). – Волгоград: Перемена, 2011. – 36-39.
8. Охрицкая Н. М. Лингвокультурологический аспект многозначности цветоименований / Надежда Михайловна Охрицкая : автореф. дис. канд. филол. наук, 10.02.19. – Челябинск, 2012. – 22 с.

9. Савицкая М. А. Символическое значение цветоименований и его отражение во фразеологизмах (на материале английского и итальянского языков) / М. А. Савицкая // Лингвокультурологическая парадигма в современных исследованиях : сб. науч. ст. / ГрГУ им. Я. Купалы; редкол.: В. С. Истомина (отв. ред.) [и др.]. – Гродно : ГрГУ, 2011. – С. 264-269.

10. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация : учеб. пособие / С. Г. Тер-Минасова – М. : Слово / Slovo, 2000. – 624 с.

11. Українська міфологія. – К.: Либідь, 2002. – 664 с.: іл.; Українська міфологія. – Вид. 3-є. – Рівне : Видавець В. Войтович, 2012. – 681 с. – Режим доступу:

<http://proridne.net/mythology/myth/html>.

12. Фрумкина Р. М. Цвет. Смысл. Сходство : Монография / Р. М. Фрумкина. – Москва : Наука, 1984. – 175 с.

13. Perrett D. Face colour, health, lifestyle and attractiveness / Perrett D., Whitehead Re D., Stephen I., and others // 34th European Conference on Visual Perception 28 August – 1 September 2011. – 239 p.